

*Идеология и внушение
в эзотерической литературе
(на материале цикла
Эрнста Мулдашева о «Городе Богов»)*

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ
(Саратов)

0. Введение: с какой целью Э. Мулдашев писал свои книги?

Изучение идеологии как одного из факторов власти относится к главным задачам политической лингвистики. Исследователями неоднократно отмечалось, что любая массовая (или претендующая на массовость) идеология может быть взята на вооружение политиками для достижения своих целей, а именно: приход к власти / удержание власти (Dirven, Polzenhagen, Wolf 2005; Hawkins 2001).

В этом отношении представляет интерес идеологическая коммуникация в такой специфической сфере, как эзотерическая литература. Для современной России данный тип коммуникации является новым, практически не изученным, хотя в прошлом (особенно в предреволюционные и революционные периоды) России, так сказать, всегда везло на властителей дум, особенно неофициальных. Едва ли не каждый этап истории России знал своих знаменитых подвижников, пророков, непререкаемых нравственных авторитетов – ср. житийных персонажей, великомучеников (от раннехристианских, иудейских, римских и греческих святых до протопопа

Аввакума), декабристов, писателей «Золотого века» русской литературы от Пушкина до Толстого, пассионарных революционеров, наконец, диссидентов (Сахаров, Солженицын).

Однако говорить о пророках как таковых в постсоветские годы, пожалуй, не приходится. В целом распространенной темой как политической коммуникации, так и политической лингвистики стало отсутствие в современной России «новой идеологии» (ср. Гаврилова 2011).

На этом фоне появление книг Э. Мулдашева о «Городе Богов» в начале 2000-х гг. стало заметным явлением. В этих ныне широко известных книгах по-своему убедительно решаются «вечные» вопросы о добре и зле, смысле жизни, душевной чистоте и грехе, строится оригинальная картина многомиллионнолетней (по мнению автора) истории человеческой цивилизации, комментируются древние религиозные тексты, легенды, эзотерические и оккультные знания с точки зрения современной науки. Для изложения своих религиозно-философских рассуждений автор использует особым образом построенный **текст**, в котором сочетаются стиль научных монографий, увлекательного рассказа и бытового разговора с вкраплениями художественно-мистического характера.

Следует подчеркнуть, что автор, Эрнст Рифгатович Мулдашев, не является профессиональным политиком: он глазной хирург (доктор медицинских наук), путешественник, участник и организатор научных экспедиций. Однако та бурная активность, с какой он распространяет свои идеи, пытается обратить в свою веру возможно большее число читателей, заставляет сравнивать его скорее с политиками, чем с учеными и писателями¹. Об этом говорит количество написанных им книг эзотерического характера, многочисленные публицистические статьи, выступления Мулдашева, интервью с ним, которые часто появляются в прессе, на ТВ, в Интернете, а главное, конечно, – особенности собственно текста книг, которые и будут рассмотрены ниже.

В настоящей статье представлен анализ языковых средств, используемых Мулдашевым для достижения поставленных им целей, которые, как представляется, могут быть определены как **воздействие** на интеллектуальные, эмоциональные и нравственные состояния читателя.

¹ Впрочем, в прошлом Э. Мулдашев был народным депутатом РСФСР (1990–1993), доверенным лицом Президента России В. В. Путина (2004).

Среди задач, решаемых автором, можно выделить **стратегические**:

1) вызвать интерес и доверие к сообщаемой информации и развиваемой концепции, которая не только является непривычной для массового российского читателя, но и во многом идет вразрез с общепринятыми, даже основополагающими концепциями и положениями современной науки;

2) вызвать интерес и доверие к личности автора, который показан, с одной стороны, как авторитетный (ученый, специалист в обсуждаемых материях) и симпатичный (честный, бескорыстный), с другой – «обычный» человек, так же, как и читатели, не лишенный недостатков.

Для достижения этих целей решается ряд более частных **тактических** задач:

1) придать сообщаемой информации характер максимальной достоверности (большой объем проработанной эзотерической литературы и легенд древности, частые ссылки на данные источники как в виде прямых цитат, так и через посредство восходящих к ним прецедентных текстов, использование большого количества терминов, принятых в данных дисциплинах);

2) продемонстрировать логически совершенный анализ (выкладка всех сомнений, разных интерпретаций, прямое сообщение о предположительности каждого не подтвержденного фактами утверждения);

3) снизить, «приземлить» образ автора (огромное количество самоуничижительных высказываний, а также забавных ситуаций, диалогов автора с коллегами и знакомыми на простейшие бытовые, в том числе «низкие» темы), чтобы не подавлять читателя своим авторитетом;

4) сделать повествование интересным, притягательным для читателя за счет динамичного сюжета (экспедиции по экзотическим и опасным местам, встречи с интересными людьми – хранителями древних религиозных знаний), живых характеров;

5) наконец, осуществить не убеждение, а внушение (автор от логики, анализа переходит к приемам создания видимости достоверности).

Таким образом, в статье представлен **риторический** анализ текстов Мулдашева. Соответственно нас будет интересовать не столько ЧТО, сколько КАК он говорит, выражает свои мысли. Соглашаться или не соглашаться с выводами, к которым приходит в своих книгах Мулдашев, естественно, не входило в наши задачи. Отметим лишь, что его идеи уже

активно обсуждались и критиковались². С этой точки зрения нами будут проанализированы в книгах Мулдашева, во-первых, средства научной (фактической и логико-аналитической) убедительности, во-вторых – образ автора, в-третьих – приемы внушения.

Наш **материал** составили пять книг Э. Мулдашева: предваряющая цикл о собственно Городе Богов и тесно сюжетно и концептуально связанная с ним книга *От кого мы произошли* и четыре тома цикла *В поисках Города Богов – Трагическое послание древних, Золотые пластины Харати, В объятиях Шамбалы, Матрица жизни на Земле* (в общей сложности 553327 словоупотреблений).

1. Попытки научной убедительности

С целью создать впечатление научной (фактической) убедительности, достоверности автор использует средства современного **научного стиля**: логичность, понятную точность, развернутость синтаксических конструкций, а главное – **терминологичность**:

1) автор использует термины эзотерических и оккультных дисциплин и обрядов (*сомати, карма, мантра, янтра, мандала, пражна, парикрама, тантрические силы, микрокосм макрокосма*), включая названия описываемых в этих дисциплинах артефактов/машин (*ступа, Ваджра, Вара, Арча, Тхикле, Шантамани, Топор Кармы*), имена собственные, называющие как древних легендарных «Больших людей»: *Миларепа, Бонпо, Харати, Царь Смерти Яма*, так и «одушевленные» местности: *Шамбала, Агартти, Долина Смерти, Сердце Воды, Дом Счастливого Камня, Место Голодного Черта*;

2) пытается описать некоторые магические явления в терминах новейших направлений физики, математики, биологии: *фрактальность, клонирование, ДНК, информосома, соматические силы, торсионное поле, сжатие энергии времени*;

3) на основе своеобразного синтеза образует новые термины-понятия, которыми активно пользуется: *Город Богов, Генофонд Человечества, Матрица Жизни на Земле, Всеобщее информационное пространство, психо-энергетический барьер, Чужой Бог, Поле Любви*. Некоторые термины

² См., например, тоже ставшую известной «ответную» серию *Анти-Мулдашев* Петра Образцова, а также сайты: <http://nauka.relis.ru/01/0209/01209098.htm>; <http://nostradamu.narod.ru/kritika/Muldashev.html>

образуются автором на основе распространенных в современной науке понятий, например компьютерных (*Чип Жизни*). Сознвая метафоричность таких терминов, автор иногда ставит их в кавычки, например «*файл регенерации*».

Впечатление достоверности сообщаемой информации создается также за счет большого количества **прецедентных текстов** и **цитат** из книг авторитетных авторов – Елены Блаватской, Николая Рериха, Нострадамуса, Друнвало Мелхиседека, Ангарики Говинды, а также восточных (Тибет, Непал, Индия) сакральных и философских текстов и легенд (таких как Веды, *Хроники Акаши*, *Тибетская Книга Мертвых*, *Атлас тибетской медицины*, *Буддийская практика Далай-ламы*).

Содержащиеся в древних религиозных текстах и легендах данные достаточно тщательно анализируются автором (в первых книгах цикла), и общая концепция, через призму которой автор и сообщает читателю все свои идеи, не предлагается в готовом виде, а как бы складывается на основе этих фактов и собственной логики, то есть на научной основе.

Логика автора, составляющая основу научной достоверности текста, прочитывается в абсолютном большинстве его умозаключений (в первых книгах цикла). Языковые формы, используемые автором для обозначения отдельных моментов напряженной мыслительной деятельности, как в форме внутреннего монолога, так и в форме реплик в диалоге (синтаксическое оформление причинно-следственных связей, выбор лексических единиц, прежде всего речинформативных, именующих отдельные моменты понимания, логического следствия и авторского отношения), отличаются яркостью и своеобразной точностью. Как ученый, Мулдашев стремится соблюдать принцип «научной осторожности», его размышления часто сопровождаются высказываниями, подчеркивающими предположительность, недоказанность выводов, недостаточность или отсутствие фактических данных. Так, вводное слово *наверное* встретилось 504 раза (!), *возможно* – 317, *может быть* – 252, *мне кажется* – 148, *почему-то* – 113, частотны контексты типа: ***Тем не менее, эта попытка показалась мне в глубине души любопытной и стала вертеться в голове, хотя никаких оснований утверждать, что путем строительства разнообразных и необычных монументов древние создавали здесь человека, у меня не было; Вал разноплановых сомнений поднялся в моей душе, как***

бы тыкая меня лицом в факт полной умозрительности моих рассуждений.

Следует отметить, что иногда автор пользуется приемами формальной логики, математического анализа, обращается к программам компьютерного моделирования (например, при сравнении формы глаз представителей разных человеческих рас, реконструкции внешности людей древних цивилизаций, разрушенных храмов и монументов древности, при расчете спрямленных и хордовых треугольников на глобусе), однако гораздо чаще обращается не к формальной, а к «обычной человеческой» логике, подсказанной здравым смыслом и принятой нравственно-религиозной концепцией добродетели и кармического греха.

В этом смысле к средствам логической убедительности могут быть отнесены и «**низкие факты**», создающие впечатление повседневной наглядности, подчеркивающей реальность описания, а отсюда – впечатление достоверности рассуждений. Автор подробно знакомит читателя с тем, каким путем он приходит к тем или иным выводам, включая множество деталей, сопровождающих процесс мысли (например, при созерцании горы Кайлас, пирамид, во время дружеских бесед и споров, за выпивкой, на отдыхе в палатке или на рыбалке, во время празднования дня рождения, в разгар спора о дамских духах или даже во время работы бригады сантехников, починяющих канализацию). В книге множество занимательных историй, включая путевые заметки, описания экзотических стран и древних памятников, забавных и грустных случаев из богатой врачебной и административной практики автора, а также «низких» бытовых деталей (туалеты, подробности моче- и калоиспускания, потоотделения, храп, «козюльки в носу», соответствующая и лексика: *задубели; целый чайник выдули; «пук» и «ср...»*).

Названные «низкие» детали ни в коем случае не свидетельствуют о том, что автор относится к своим идеям, изложение которых сопровождается упоминанием таких деталей, несерьезно – роль их, по всей видимости, состоит в том, чтобы, с одной стороны, облегчить восприятие весьма сложных и непривычных для современного читателя идей, подчеркнуть «обыкновенность» автора. С другой стороны, «низким» деталям отводится достаточно важная роль в принятой нравственно-религиозной концепции: *Неоднозначны мы! Дерьмо с Любовью рядом находятся! А ведь не должно быть так, чтобы Любовь рядом с Дерьмом находилась! А ведь*

когда-нибудь должны же и у нас начать действовать Великие Законы Чистой Души, торжествующие на Том Свете! Так выражается грустная ирония (или самоирония): мы вынуждены жить среди грязи и эксcrementов и о них думать, в отличие от счастливых людей из других измерений или предшествующих высоких цивилизаций, которые могли/могут жить чистой Любовью и творчеством.

Через призму принятой логики и «Божественной» концепции описываются высокоразвитые люди древних цивилизаций / Шамбалы (*ангелы, призракоподобные люди, лемурийцы, атланты*), объясняются их история, достоинства и грехи. В результате «образ атланта», «образ лемурийца» и т.д. (естественно, неизвестные автору) реконструируются и рисуются по-своему убедительно. Основные **достоинства** этих древних людей заключались в чистоте души, любви к Богу и людям, искренности и страстности чувств, стремлении к прогрессу, к этому обычно добавляется высокая оценка их знаний, способностей и технологий: *...из прекрасной и чистой Шамбалы, где исторически и эволюционно собирались Лучшие из Лучших людей всех земных Коренных Человеческих Рас; Мы и в самом деле найдем и будем не просто удивляться, а восхищаться невероятными по мощи технологиями Шамбалы, которые позволили создать этот странный Город, состоящий из колоссальных пирамид и монументов.* Главным **грехом** представителей древних цивилизаций (приведшим их к суровому наказанию – всепланетным апокалипсисам) считается «звездная болезнь», «сравнение себя с Богом»: *...грех, о котором говорят все религии мира как о самом главном грехе, а именно грех почувствовать себя Богом.*

Конечно, понять древних людей можно, прежде всего, на основе **сравнения** с хорошо знакомыми автору и читателям современными людьми и современной цивилизацией: *Поступившись своей гордыней, мы должны осознать, что уровень нашего умственного развития и технологий ниже таковых Шамбалы настолько, насколько мы отличаемся от первобытного человека, вооруженного каменным топором.*

Люди современной («арийской») цивилизации описываются так же – через призму принятой логики и общей концепции. Здесь выделяются «люди вообще» и различные группы, сообщества людей: жители России; «восточные люди» (Тибет, Непал, Индия, Япония) (как профессиональные священнослужители, гуру, ламы, свами, религиозные ученые, так и «прос-

тые люди»); представители западного мира (иногда здесь выделяются американцы, которым противопоставляются «более духовные» европейцы, иногда речь идет о «западном мире вообще», который противопоставляется, с одной стороны, «восточному миру», с другой – России). Выделяются также группы: научный мир (честные вдохновенные исследователи, ищущие истину, и «чопорные маститые академики»); мужчины и женщины; тоталитарные вожди; олигархи и «просто» жадные люди; алкоголики и т.д.

Здесь, в отличие от описаний древних цивилизаций, преобладают отрицательно-оценочные высказывания. Грехи представителей нашей цивилизации по Мулдашеву состоят в огрязнении души, количестве «злых и поганых мыслей», при этом главным грехом, как и у предшествующих цивилизаций, автор считает «звездную болезнь», а также жадность, зависть, «стервозность». Отрицательно-оценочные высказывания об этих грехах весьма многообразны по форме и содержанию: от прямо-обличительных, гневных и горьких суждений до иронии: *...стать таким же как все – жадным, завистливым и практичным; ...счастье – разбогатеть, отомстить и возвеличиться; Не зря... не зря так **противно** находится рядом с жадным человеком, – подумал я. – Они, эти жадные **идиоты**, являются источником «жадной заразы»; От некоторых ученых меня воротило, потому что чувствовалось, что достижение долгожданных званий «профессор» или «академик» было их главной карьеристической целью, когда **и «по трупам шагать» не зазорно.** Однако в целом доля жесткой, категорической отрицательной оценки невелика – преобладает тональность грустного сожаления, такая же и ирония: **Люди – странные существа. Им надо обязательно посудачить и посплетничать. Без этого им, людям, скучно. А скука – вещь опасная, – это недостаток веселья. Тем более, что скука, особенно зеленая скука с видимостью деловитости, озлобляет человека и подталкивает его к любым развлечениям, пусть даже склочным и поганым; Каждая клеточка, каждая молекула в наших телах пропитаны Энергией Любви, от которой, извиныте, деваться некуда, ведь именно эта энергия создала нас с Вами... порой **нерадивых, но всегда способных к Любви, да хотя бы к... чуточке Любви, да хотя бы к капельке Любви, да хотя бы к граммулке Любви...*****

В то же время здесь немало и положительно-оценочных высказываний – о людях душевно чистых, творческих, бескорыстных, романтических: *Но*

*как приятно находиться рядом со **светлым** человеком! Он тоже является **источником чего-то светлого и хорошего**; У меня есть два **кумира**: в офтальмологии Владимир Петрович Филатов, в жизни и путешествиях Николай Константинович Рерих. Мне все время кажется, что эти два человека, сделавшие исторические открытия, **обладали той степенью душевной чистоты**, что их имена до сих пор ассоциируются с чем-то **святым и романтически приятным**.*

Показательно, что, характеризуя людей современной цивилизации, автор говорит «**мы**», а не «**они**». Это «**мы**» подчеркивает всеобщность греха, лежащего на представителях нашей цивилизации, и сближает данную группу с образом автора, который рассматривается нами в следующем параграфе.

Таким образом, эффект достоверности создается за счет сообщения фактической информации, содержащейся в древних текстах, и логического анализа, а также средств передачи этой информации, к которым относятся хорошее владение основными положениями и терминологией обсуждаемых древних концепций и методикой и терминологией современного научного анализа, а также описание многочисленных бытовых деталей, сопровождающих процесс мысли и обсуждения научных проблем.

2. Образ автора

Именно через призму образа автора и авторской оценки до читателя доносятся все идеи, содержащиеся в книгах. Автор уделяет себе – размышлениям, занятиям, положительным и отрицательным чертам характера, коммуникации – много внимания. Так, местоимение «я» использовано в книгах Мулдашева 6975 раз («я» + «мне» + «меня» + «мной» – 9184 раза), что значительно превышает частотность всех остальных ключевых слов (см. ниже).

Прежде всего, как уже говорилось, бросается в глаза огромное количество **самокритичных и самоуничижительных высказываний**. Эти высказывания не только очень многочисленны, но и очень разнообразны как по содержанию, так и по форме: варьируются от серьезных (грустных, досадливых и сердитых) до самоиронии.

Главный источник резко-отрицательной самооценки – сравнение себя с Высшими людьми предыдущих цивилизаций / Шамбалы, настоящими

святыми среди нынешних людей. Автор осуждает себя за пропитанность грехами современной цивилизации, такими как недостаточная чистота души, приземленность, суетность, недоверие к интуиции, обремененность вредными привычками.

Самоуничжительный эффект создается и прямыми авторскими самохарактеристиками: *Мне было вполне ясно, что не мне – банальному двуногому существу – судить об этом; Куда уж мне, банальному человеку с нашлепками неурядиц в душе!; ... во мне отрицательного – аж жуть...*, и количеством оценочных лексем, осуждающе или сниженно именующих качества автора и его мыслительные и коммуникативные действия: – *Что это? – глупо спросил я самого себя; – Ну, для чего, ну для чего сделана вот эта громадная 800 – метровая вогнутая поверхность? – натужно ставил я сам себе вопрос, пытаясь мобилизовать весь свой мозговой потенциал и... конечно же, ожидая интуитивной подсказки. Но мой разум угрюмо молчал, как бы скованный мыслительным параличом.*

Реплики автора в диалогах тоже часто характеризуют его как человека подчеркнуто невысоких умственных способностей – ср. обилие как бы растерянно-недоумевающих и даже глуповатых (словом *глупо* они часто сопровождаются) реплик-реакций в диалогах типа *Да уж...*(94 раза), *М-да...* (66): – *Да уж, – нелепо сказал я, ничего не поняв; – А-а..., – глупо промышал я, неволью сделав вид, что что-то понял...; – М-да... – подавленно проговорил я; – Ух ты! Ух ты! – приговаривал я, глупо шевеля губами.*

Увлечение автора самокритичными и самоуничжительными высказываниями иногда производит впечатление какого-то сладострастного самобичевания:

Но потом что-то ёкнуло в душе, и мысли понесли меня куда-то вдаль, в безбрежную даль мироздания. Мысли так стремительно понесли меня туда, что я даже испугался. Но испуг так же внезапно прошел и я начал думать философски, стараясь охватить мыслью всю ширь божьих творений. Однако у меня это... не получилось. Естественно, не получилось и только омерзительное чувство тупости подступило к горлу.

– *У-ух!* – только и простонал я, *понимая свои микроскопические возможности в попытке хотя бы мало-мальски осмыслить божий замысел.*

А чувство своей собственной тупости давило и давило меня. Смачно давило... привычно. Я откинулся на стуле и стал рассматривать свою нелепую желтую авторучку с ребрышками. Ничего интересного я в ней не нашел. Я сдавил эту авторучку пальцами, потом поднес палец к лицу и увидел на нем следы от ребрышек авторучки.

– Надо же, следы от авторочки остаются... – произнес я совсем уж нелепую фразу.

Чувство собственной тупости только усилилось.

Ты тупой! Тупой! – kloкотало в душе. Я опять посмотрел на свою желтую авторочку. Ничего интересного в ней так и не появилось...

Я встряхнул головой и вдруг с новой силой стал надеяться, что может быть, может быть, может быть... Бог мне даст хоть маленькое (хоть микроскопическое!) осознание того главного принципа, на котором основано все мироздание.

Я сделал серьезное лицо, насунил брови и принялся сильно думать. Я думал все сильнее и сильнее, все серьезнее и серьезнее смотрел на свою желтую авторочку, но... вскоре понял, что ни до чего я не додумаюсь, потому что я всего-навсего... всего-навсего, вот именно – всего-навсего! Я понял, что сила моей мысли ничтожно мала и она не способна проникнуть в проблемы мироздания, потому что это всего лишь банальная мысль – мысль обычного человека.

В полной мере посмаковав свою «мозговую импотенцию», я опять откинулся на стуле и уже с негодованием взглянул на свою желтую авторочку. Я понял, что ни до чего я не смогу додуматься, а вернее, как говорится, «допетрить».

Я налил себе рюмку русской водки и с удовольствием выпил.

– Хрк, – издало мое горло.

Уничижительные самохарактеристики (а также многочисленные автобиографические детали, подробное описание экспедиций) по-своему сближают тексты Мулдашева с традициями религиозной, в частности агиографической литературы (Лихачев 1979)³. Автор книг о «Городе Богов», как и древнерусский автор, «и проповедник, и церемониймейстер» (Лихачев 1979: 93). «Религиозная тональность» (Карасик 2007) обоих текстов обуславливает и воздействие на читателя, и внушение.

Однако здесь есть серьезные различия.

Учитывая, что к настоящим *Вышшим* среди нынешних людей автор относит фактически только тибетских йогов, которые в современном мире исчисляются единицами, *Посвященных* (Нострадамус и Елена Блаватская) и отдельных религиозных деятелей и духовных лидеров Востока (Сатья Саи Баба), такие сравнительные суждения о себе, конечно, не являются

³ Ср. Пролог Парфения Злобина (1550 г.): *Все святые угодники Христовы сподобили есте написати сию книгу глаголемую Пролог многогрешною рукою малоумнаго нечестиваго безумнаго неразумнаго неистовнаго злонравнаго злокознаго злообразнаго злопоминаго злодеваго лободеваго злоключимаго осужденаго падшаго слабаго унылага лениваго нетерпеливаго сонливаго ропотливаго гневливаго напраснаго помраченаго отемненаго окаяннаго ожесточелнаго нечювьственаго непотребнаго вредоумнаго суетнаго суетнаго суроваго сверепнаго ругателя досадителя постылага мерьскаго скареднаго груснаго грубаго глупаго худаго глухаго беднаго немощнаго смертнаго тленнаго блуднаго раба Божия Парфения Маркова сына Злобина.*

действительно отрицательными: подразумевается, что всеми этими качествами автор наделен, как и любой человек современного мира, автоматически, «по наследству» (как не является недостатком, например, неумение летать или материализовать мысли): *Конечно же, я не мог ответить на этот вопрос, точно так же, как и большинство людей не могут пока ответить на вопрос о предназначении монументов древности; Я прекрасно понимал, что в нашем брэнном мире мы с Равилем не могли остаться кристально чистыми, и от этого было грустно.*

Но по отношению ко всем остальным представителям современного человечества (то есть, по сути, в с е м людям) формы самооценки Мулдашева существенно иные.

Здесь тоже немало нелицеприятных высказываний, в которых автор скептически оценивает себя даже не по «божественным», а «самым обычным человеческим» меркам: *Я вполне реально относился к себе, осознавая, что я – подернутый возрастом и достаточно неказистый экземпляр мужского пола с лысиной и лопухим состоянием ушей – вряд ли могу быть «экземпляр» для любви...; Я всего лишь трехмерный человек... ростом 180 см, который, к тому же, ведет далеко не праведный образ жизни...*

Автор постоянно подчеркивает свою «неказистую» и «банальную» внешность, привычку выпивать, курить, «орать» (на пациентов, подчиненных), даже драться, часто отмечает у себя отсутствие достоинств, которыми обладают другие люди, таких как изящные манеры, богатство, солидность, причастность к элите (например «маститым академикам»), однако складывается впечатление, что он не считает эти достоинства настоящими и на самом деле не осуждает себя за их отсутствие. Вся логика книг Мулдашева убеждает в обратном: все эти «достоинства» являются ничтожными, суетными, более того – в высокой степени греховными (прежде всего это качества людей со «звездной болезнью», которую автор считает самым большим грехом). Остальные же перечисляемые в этом ряду «достоинства обыкновенных людей», отсутствующие у автора, явно не являются чем-то важным, это, так сказать, милые мелочи (так, он завидует своему брату Альберту, который... умеет рано вставать!).

Сравнения же автора с «равными» ему людьми нашей цивилизации по действительно важным критериям (таким как чистота души,

любовь к Богу, поиск Истины и творческая активность, бескорыстность), которые были бы не в его пользу, отсутствуют.

Нельзя не отметить и того, что, говоря о своих недостатках, Мулдашев сопровождает их описание фактически **самооправданиями**, что было бы немислимо, например, в православной житийной традиции⁴. Например, он говорит о себе: *В моей натуре есть одна дешевая черта – иногда, к счастью не часто, я люблю рисоваться, но тут же добавляет: Эту мою черту нельзя в полной мере назвать отрицательной, поскольку именно в таком состоянии чаще приходят хорошие мысли: Так уж Бог дал! Видимо, элементы «рисовального» характера подталкивают мыслительный аппарат к работе.* То, что он иногда покрикивает на своих пациентов, тоже неплохо: после мучит совесть и он лучше делает операции: *В нашем Центре даже ходит притча о том, что если шеф (то есть я) сорвется на больного, то ему повезло. Слух этот приводит даже к тому, что некоторые изоциренные пациенты порой специально выводят меня из себя, зная, что операция получится лучше.* Склонность драться, объясняет Мулдашев, есть защита уважения к себе, являющегося одной из важнейших основ эволюции человека; а «неизящные руки» сделали множество сложнейших операций: *Я пошевелил короткими пальцами с грязными ногтями и поразился тому, что мне по жизни удавалось ловко владеть ими при выполнении тончайших глазных операций и даже удивлять американцев «фокусами русской хирургии».*

Доходит до комичных ситуаций: одну из глав – «О дури» – автор начинает самокритичным утверждением, что считает «дурь» одним из своих недостатков, а уже через две страницы приходит к выводу: *«Добрая дурь – основа настоящего ума!»*

Зато автор достаточно прозрачно указывает на то, что обладает многими **достоинствами**, не принадлежащими или недоступными очень многим

⁴ Есть основания полагать, что такое положение вещей стало следствием одного случая, который произвел на Мулдашева самое сильное впечатление: во время экспедиции на Тибет он был перед Зеркалом Смерти, которое, по легенде, убивает людей с огрязненной грехами душой. Мулдашев же после этого был «оставлен в живых», из чего делает вполне логичный вывод: значит, его душа в целом чиста (а Зеркало Смерти ее окончательно очистило, совсем уничтожив и греховные, и неправильные мысли). Таким же критерием установления истины должны руководствоваться и его читатели, категорично утверждает автор: *умные и божественные люди это поймут, а те, которые, высокомерно задрав голову, будут глумиться над мыслями и логикой, те, наверное, уже имеют в душе «шестерочку» дьявольской энергии, считая свое мнение единственно верным во всей Вселенной.*

(даже большинству) современных людей. Фактически он находит у себя все те качества, которые вообще считает лучшими у людей: настоящая любовь к Богу, постоянная помощь людям (больным), неутолимое любопытство ученого-исследователя в сочетании с напряженной работой – при полном отсутствии корыстолюбия, жадности и «звездной болезни», искренность, простодушие и романтичность: – *Ты понимаешь, Света, весь мир, мне кажется, устроен очень просто, гениально просто... ну просто невероятно гениально в своей отточенной простоте, что является почерком... творения Бога... самого Бога, которого я, Света, не побоюсь этого сказать... очень и очень люблю... больше всего на свете...; Все научные идеи дарит мне Бог, учитывая то, что я все же довольно работающий трехмерный человеческий экземпляр, не успевший еще накопить «душевного дерьма».* Автор дает по сути очень высокую оценку своим интеллектуальным усилиям и способностям: *В этот момент мысли мои потекли по обобщающему плану, стараясь охватить тайны мироздания; Мысли ходуном ходили в моей голове, а чувство радости, вызванное удачной догадкой по поводу одного из феноменов Города Богов, приятно щекотало нервы; На удивление свежие и сильные чувства помогли мне, то исходящим из глубины валом негодования подсказывая, что твоя мысль неверна, то захватским восторгом подтверждая правильность твоих умозаключений.*

Самоирония автора практически всегда добродушна и тоже имеет характер самооправдания по модели «да, но зато...»: *Я, сидя на скамеечке в монастыре Миларепы, снова погладил свой... трехмерный затылок и снова с досадой обнаружил наличие... трехмерной, а может быть... и двумерной лысины. Но мои мысли уже текли, хорошо текли.*

Возвращаясь к образу автора как риторической характеристике текста, следует еще раз подчеркнуть важность данного образа для решения поставленных задач. Думается, образ автора «на пьедестале» (великолепного профессионала, владеющего громадным объемом информации и способного осуществлять сложнейший научный анализ) мог бы отвлечь от него массового читателя. Задача же состояла в том, чтобы, наоборот, расположить к себе читателя, вызвать у него доверие к себе и – отсюда – к сообщаемой информации. В этом смысле можно сделать вывод, что в большинстве случаев с поставленной задачей автор справляется. С другой стороны, читатель может заметить, что в некоторых случаях автор

все-таки рисует себя фактически идеальным человеком, лишенным настоящих недостатков, – здесь, по нашему мнению, поставленную задачу не удалось решить до конца.

3. Приемы внушения

Автор старается внушить читателю чувство преклонения и трепета по отношению к «божественным» концепциям, мифическим деятелям прошлых цивилизаций. Если в первых книгах цикла эти задачи выполнялись, прежде всего, за счет логики, то в последних – логика, аргументы оказываются как бы не нужны: автор переходит к прямому внушению. Это достигается за счет использования ключевых слов, которые повторяются с очень большой частотностью (*люди, Бог, Добро, Зло, душа, боль, наука, цивилизация, история*, названия грехов и добродетелей), многочисленных определений «великий», «величайший», «священный», использования в написании имен и определений данных концепций и деятелей с заглавной буквы, обращения к высокому стилю, использования образных средств языка (часто – архаизмов). В этом смысле стоит отметить и характерную для всех книг Мулдашева интонацию доверительного разговора автора с читателем на наиболее важные темы (так, обращение *дорогой читатель* использовалось 140 раз).

Относим к приемам внушения то, что о принципе «научной осторожности», который обсуждался выше, автор иногда как бы забывает (что кажется странным для практикующего ученого, написавшего более 300 научных работ), используя выражения «как известно» и «известно, что...» (без указания источника) по отношению к тем идеям, которые ранее высказывались и развивались им же именно как предположительные, – вначале в разговорах с ламами, где это еще могло быть оправдано простым уважением к собеседнику и его вере: – **Известно, что огонь уничтожил Лемурию, вода уничтожила Атлантиду... Что, нас уничтожит ветер? Или земля? Кроме того... – Что, кроме того? – Бонпо-лама искренне удивился**, но впоследствии – уже в авторских внутренних монологах: *Лемурийская цивилизация, как известно, существовала на Земле много миллионов лет тому назад; Позднейшими гермафродитами были, как известно, ранние лемурийцы, имевшие четыре руки, два лица, огромный рост и другие необычные отличительные признаки;*

Последний, четвертый апокалипсис, как известно, погубил Атлантиду, а на «Вечном Материке» спаслись только «благочестивые» атланты и ранние арийцы; Атланты острова Платона, как известно, имели тесные контакты с египетской цивилизацией. В целом известно использовано в книгах Мулдашева 156 раз.

Такие утверждения-аксиомы часто содержат речейнформативные глаголы *понять/понимать* и *знать*, выражающие достоверность, по отношению к опять-таки предположительным идеям: *Но я тут же перебрал в голове увиденные здесь, в Городе Богов, величественные пирамидо-подобные монументы и на каком-то почти подсознательном уровне **понял, что** они, эти разнообразные пирамиды, созданы здесь для концентрации неведомых нам тонких энергий, среди которых есть и энергия времени; Неужели Мертвым дозволено проникать в таинство мыслей каждого человека? Неужели это так? Я, на мгновение забыв про боль, задумался над этим вопросом **и понял, что это так**. Более того, Мертвым дозволено влиять на наши мысли и... наказывать... или очищать... Такое же значение достоверности выражается придаточными и вводными конструкциями: *Вот и мы, пока еще живущие далеко не «в чистом поле», должны разгрести вместе с физическим еще и душевное дерьмо и предстать перед чистым-чистым полем, на котором мы начнем строить Новую Жизнь. Если мы этого не сделаем, то на смену нам, «грязным», придет Новый Человек, который уже создан на **Второй Матрице Жизни**; Ведь лень, обволакивающая тело, постепенно переползает к самому главному элементу человека – Духу, чтобы и он, бессмертный Дух, «свесил ноги», а не стремился вперед, как велено Богом для утверждения главного принципа, что человек есть самопрогрессирующее начало.**

Показательна эволюция такого рода высказываний: если в первой книге «От кого мы произошли» автор выступает еще в целом как традиционный ученый и неоднократно замечает по поводу своих умопостроений: *Думая над этими вопросами, я тем не менее **старался сохранить научный тип подхода к проблеме**, даже несмотря на то, что в подобного рода исследованиях **не приходится надеяться на получение прямых неопровержимых доказательств** [...] многочисленные «**может быть**» никак не могли удовлетворить научное любопытство. **Нужно было искать факты**; Но таков научный путь: **никогда не обходится без ошибок, а пере-***

проверки и тройной контроль являются постоянным атрибутом исследований. Самое главное – не включить малодостоверные сведения в логическую цепочку научных размышлений, иначе логика заведет в тупик или приведет к неверным выводам, то в последней – «Матрица жизни на земле» – автор прямо восклицает: *Да какие доказательства этому могут быть?!: Как бы два человека живет в нас – Человек-Время и Человек-Пространство. Когда мы освободимся от Человека-Пространство, то земное сознание исчезнет, но на смену ему придет другое сознание – космическое. – С чего это я начал так глобально мыслить? Откуда я это все знаю? А где доказательства? – внезапно ударила отрезвляющая мысль. Меня даже бросило в жар. – Да какие доказательства этому могут быть?* – появилась ответная мысль. – *Бог, что ли, предоставит доказательства тебе, неразумному, на блюде с каемочкой, что ли... как очередной черепок археологам?! А почему мы так боимся верить мыслям, а верим пресловутым черепкам? Почему?* Этот риторический вопрос – прямое внушение: нужно верить мыслям автора, а не «черепкам».

Эффект внушения создается постоянным повтором **ключевых слов**, семантика которых соответствует развиваемой автором концепции в целом, оценочному содержанию отдельных высказываний, тематических сфер (например, образ атланта, современного ученого, алкоголика).

• **Наиболее частотными (с частотностью более 500) оказываются слова (в порядке убывания):**

я (мне, меня, мной)	9184	любовь (любить)	1153	вода (водный, водяной)	663
человек (люди, человеческий)	5901	пирамида (пирамидальный)	1128	злой (злость, Зло)	639
жизнь (жить)	2108	энергия	1045	друг (дружба)	616
Бог (Боженька, Божий, божественный)	1871	душа	921	атлант	597
мир (мировой)	1694	Тибет (тибетский, тибетец)	879	цивилизация	591
мысль (мысленный, мыслить)	1483	древний (древность)	856	раса (расовый)	587
глаз (глазной)	1405	сомати	853	боль (больной, болезнь, болеть)	541
земля/Земля	1294	Кайлас	830	добрый (доброта, Добро)	531
время	1232	чувство (чувствовать)	676	Шамбала	527

В целом выбор этих слов с громадной частотностью – от пятисот до девяти тысяч – оправдан тематикой и основными задачами книг Мулдашева: это *Человек и Бог, Добро и Зло, планета Земля / мир / свет, история жизни* на ней, обитающие и обитавшие на ней *расы и цивилизации* (такие как *атланты и лемурийцы*). Одна из целей книг – познакомить читателей с результатами *экспедиции*, которая изучала *Тибет* в районе горы *Кайлас*, исследовала *древние пирамиды*, искала легендарную *Шамбалу*, открывала много явлений, кажущихся людям современной цивилизации магическими, но «восточным людям» – вполне естественными: способность управлять гигантскими психическими *энергиями*, пребывать в особом состоянии *сомати...* Не менее важная задача автора – утвердить основные принципы существования этого мира, такие как *Любовь* (а *Любовь* – это божественная *энергия*), *добрые мысли и чувства, чистая душа*. Членов этой трудной и опасной экспедиции связывают теплые, дружеские отношения – отсюда *дружба*.

Несколько неожиданным может показаться появление в этом списке лексем *время, глаз и вода*. Однако в авторской концепции их сверхчастое использование вполне оправдано. *Время*, с одной стороны, прямо связано с историей, которой посвящена значительная часть рассуждений автора, с другой – выступает как важнейшая (при этом живая) энергия, порождающая и пространство, и мысль, и Дух. В утверждаемой автором структуре мира, как и структуре человеческого организма, очень большую роль играет Вода (она тоже понимается автором как живая и мыслящая субстанция), отсюда частотность слова *вода*. Наконец, как глазной хирург, автор уделяет очень много внимания *глазам* человека (современного и древнего): начиная с их физической, геометрической формы (на этом основании осуществлялся «расчет» человеческих рас в книге «От кого мы произошли») до отражения в глазах качеств души (первая глава книги «От кого мы произошли» называется «Почему мы смотрим друг другу в глаза?»): глаза могут быть чистыми, умными, живыми – и «стеклянными» (у людей, отдавших душу Дьяволу: жадных, завистливых, «стервозных», а также у населения атеистических и тоталитарных стран, таких как СССР). В этом смысле *глаза* неразрывно связаны с *искренностью* – ср.: *Я подумал о том, что любой человек, наверное, в той или иной степени способен читать мысли. Положа руку на сердце, мы должны сознаться, что очень часто верим не словам, а глазам, в которые мы смотрим.*

О, как часто это бывает! Попробуйте поговорить с человеком, который не смотрит Вам в глаза, – вы сразу почувствуете дискомфорт – информации не хватает! Кроме того, важной частью концепции автора является способность (у представителей древних высокоразвитых цивилизаций) концентрировать во взгляде огромные энергии, которые могут буквально перемещать и создавать горы: В восточных литературных источниках я нашел описания того, как атланты и лемурийцы пользовались тонкой энергией, – всего-навсего **взглядом** они могли творить чудеса, потому что **взгляд**, наделенный каналом тонкой энергии, является мощнейшим орудием, способным сдвигать горы, строить пирамиды и дома и делать многое другое.

• Слова с частотностью от 100 до 500 (в порядке убывания):

– от 400 до 500:

священный / Священный	493	Город Богов	474	смерть	421
чистый / Чистый	483	монумент	447	Тот Свет	417
знание	479	Россия (русский, российский, по-русски)	433	лемуриец	401

– от 300 до 400:

наука (научный)	399	экспедиция	345	лама	322
великий	373	женщина	332		
информация (информационный)	363	Дьявол	327		

– от 200 до 300:

ученый	298	деньги (денежный)	255	логика (логичный, логический)	217
религия	294	йога	252	история (исторический)	206
принцип	287	разум (разумный)	243	обычный (обыкновенный)	206
духовный	271	Блаватская	242	прекрасный	206
каменный	264	современный	238	необычный (необыкновенный)	200
счастье (счастливый)	259	прогресс (прогрессировать)	230		
Генофонд	257	Будда (буддизм, буддистский)	229		

– от 100 до 200:

чёрт	198	математика (математик, математический)	154	(за)душевный	120
Мертвый	196	Харати	153	туалет	120
ангел (ангельский, ангелоподобный)	193	торсионный	151	мужчина	119
Непал (непальский, непалец)	192	дерьмо (дерьмовый)	147	глобус	117
Америка (американский, американец, американка)	191	тупой (тупость, туповатый)	141	страсть (страстный)	115
Восток (восточный)	186	святой (святость)	139	страдание	114
дикий ((о)дичать)	186	совесть	138	медитация	112
загадка (загадочный)	182	чудо (чудесный)	135	искренний (искренность)	110
храм	182	апокалипсис	133	Чужой Бог	110
грех, греховный	171	Европа (европейский, европеец)	130	тантрический	109
прекрасный	163	изучать	129	карма (кармический)	107
религиозный	162	заклинание	124	технология	106
арийский (ариец)	160	зависть, завидовать (завистник)	123	профессор	105
Дух	160	легенда	122	карма	104
операция	155	природа (природный)	122	радость (радоваться)	104
жадный (жадность)	154	хирург (хирургический)	122	дурак	102

Обращает на себя внимание абсолютное преобладание в этом списке слов с выраженной положительной оценкой (даже *боль* и *болезнь*, *страдание* и *смерть*, *апокалипсис* автор, в рамках своей концепции жизни и чистоты души, оценивает положительно); что же касается слов/выражений с выраженной отрицательной оценкой, к ним из этого списка относятся лишь единичные: *злой* / *злость* / *Зло*; *Дьявол*; *чёрт*; *жадный* / *жадность*; *тупой*; *грех*; *Чужой Бог*; *дурак*; *дикий* / *(о)дичать*. В авторском контексте к числу отрицательно-оценочных слов могут быть отнесены также *Америка* / *американский*.

Таким образом, в целом оптимистический, жизнеутверждающий взгляд автора (об этом он часто говорит как о своей принципиальной позиции) получает статистическое подтверждение.

Что касается таких «физиологических» слов, как *дерьмо* (*дерьмовый*), *туалет*, а также *сантехник* (*сантехнический*), роль их в авторском языке и стиле обсуждалась выше (грустная ирония и самоирония).

• **Слова с частотностью от 50 до 100** более многообразны с точки зрения тематики, оценочности и стиля, поэтому мы приводим только те, которые считаем наиболее показательными:

<i>пророк</i>	98	<i>Рерих</i>	79	<i>наказать (наказание)</i>	67
<i>тайна (тайный)</i>	95	<i>сантехник (сантехнический)</i>	79	<i>глупый (глупость)</i>	66
<i>да уж...</i>	94	<i>Демон</i>	78	<i>м-да...</i>	66
<i>радость (радостный)</i>	94	<i>интуиция (интуитивный)</i>	78	<i>смех (смеяться, смешной)</i>	66
<i>богатый</i>	90	<i>Китай (китайский, китаец)</i>	78	<i>водка</i>	65
<i>легендарный</i>	88	<i>слепой</i>	75	<i>Атлантида</i>	58
<i>Посвященный</i>	88	<i>чистота</i>	75	<i>алкоголик</i>	54
<i>противный</i>	85	<i>SoHm</i>	75	<i>романтика (романтичный)</i>	52
<i>(на)копоть</i>	84	<i>поганый</i>	69	<i>эксперимент (экспериментальный)</i>	52
<i>грустный</i>	81	<i>доллар</i>	68	<i>импотент</i>	51

В этом списке доля слов/выражений с выраженной положительной оценкой уже меньше; соответственно больше доля слов с выраженной отрицательной оценкой: *противный*; *Демон*; *зависть*; *поганый*; *доллар*; *глупый* / *глупость*; *алкоголик*; *импотент*.

• **Слов с меньшей частотностью (меньше 50, но больше 20)** гораздо больше. Выделим лишь некоторые из них, представляющиеся нам важными в контексте повествования:

<i>мужик</i>	48	<i>мистический</i>	38	<i>идиот</i>	32
<i>Москва</i>	47	<i>секс</i>	38	<i>татарский (татарин)</i>	30
<i>грязный (огрязненный)</i>	46	<i>гуру</i>	36	<i>академик</i>	27
<i>нерв</i>	44	<i>мечта (мечтать)</i>	35	<i>трагический</i>	27
<i>честный</i>	43	<i>демонический</i>	34	<i>(по)кушать</i>	26
<i>бедный</i>	41	<i>талант (талантливый)</i>	34	<i>шизофрения (шизофреник)</i>	25
<i>молитва (молиться)</i>	40	<i>величайший</i>	33	<i>лысый (лысина)</i>	21
<i>неказистый</i>	39	<i>сволочь</i>	33	<i>«звездная болезнь»</i>	20

Эффект внушения, осуществляемого посредством данных ключевых слов, очевиден: так, постоянное повторение ключевых терминов эзотерических и оккультных учений создает эффект достоверности и авторитетности сообщаемой информации; важнейших добродетелей – установку как на формирование соответствующего мировоззрения читателя, так и соответствующего восприятия идей, излагаемых в текстах Мулдашева; грехов – чувство тревоги, неудовлетворенности.

Использование **заглавных букв** в именовании наиболее принципиальных для авторской концепции идей представляется очень значимым. Данное использование, не кодифицированное литературным языком (кодифицированным можно считать только использование заглавных букв в именах собственных – именах конкретных людей, местностей, которых в тексте Мулдашева не так уж много, а также *Бог*, *Земля* как название планеты и – в какой-то степени – *Вы* в обращении к читателю), призвано породить некритичное принятие высказываемых автором идей и почтительное, даже трепетное отношение к ним. Если вначале у читателя и могло зародиться что-то вроде неприятия как такого способа написания, так и отношения, то в дальнейшем из-за огромного количества таких форм они начинают восприниматься во многом некритично (как, видимо, и было задумано). Приведем характерный пример из последней книги: *Люди Шамбалы* знали, что **Вторая Матрица Жизни на Земле** породила **Новых Людей**. Но... но они прекрасно знали, что **Старые Люди**, порожденные **Первой Матрицей** и путем отбора создавшие общество **Лучших из Лучших** в подземном мире **Шамбалы**, еще не «сказали свое последнее слово». *Люди Шамбалы* понимали, что после последнего **Всемирного Потопа** от **Старых Людей** остались всего лишь «семена», сохраненные в «огороженном месте», называемом **Вара**, и что **Старых Людей** надо заново клонировать. Но люди **Шамбалы** были уверены в том, что возрождение **Старых Людей** произойдет, обязательно произойдет, как уже было после предыдущих **Всемирных Потопов**, поскольку **Боги** прислали вместе с главным камнем **Шантамани** восемь его фрагментов (из девяти), в которых была описана программа возрождения **Старых Людей**. [...] – Сейчас начнет действовать принцип 108-го контроля, – сказал наблюдавший главный ученый **Шамбалы**. – Сейчас за счет божественной **Энергии Свастики** идет процесс созидания всего **Живого...** всего **Нового Живого...** на **Земле** в бестелесном варианте. Каждый слой пирамиды,

монумента и зеркала выдает свое бестелесное дитя, включая жизненные формы **Времени**, жизненные формы **Эфира**, жизненные формы **Воды** и жизненные формы **Материи** или **Плотной Жизни**. Триллионы форм жизни готовится выдать наша **Матрица**, которые будут жить в четырех мирах – мире **Времени**, мире **Эфира**, мире **Воды** и **Плотном** мире. Но каждое тело будет обязательно четверным, потому что закон **Четверки** – это **Божественный Закон**. [...] **Люди Шамбалы**, быстро прошептав заклинание, включили зрение мира **Свободного Времени**, позволяющее видеть **Духов...** и увидели, что **Боги, Великие Боги**, уже собрали вокруг **Матрицы** триллионы **Духов**, готовых влететь в создаваемые тела **Нового Живого на Земле...** и не просто собрали, а уже до того, пока еще **Матрица** не выдала триллионы **Новых Тел**, определили, какой **Дух** влетит в какое тело, дав ему свой уровень **Сознания в Новой Жизни**. – О! – вскричали люди **Шамбалы** и пали ниц перед **Богами**.

Заглавные буквы всегда используются в именах собственных, называющих древних легендарных деятелей (*Миларепа, Бонпо, Харати, Царь Смерти Яма*) и местности, которые в концепции автора выступают как «одушевленные» (*Шамбала, Агарты, Долина Смерти, Сердце Воды, Дом Счастливого Камня, Место Голодного Черта*) (как уже было сказано, такое использование является в целом кодифицированным литературным языком), а также в названиях описываемых в эзотерических и оккультных дисциплинах конкретных артефактов/машин (*Ваджра, Вара, Арча, Тхикле, Шантамани, Топор Кармы*); в названиях ключевых понятий религиозных учений (*Бог, Дьявол, Тот Свет, Добро, Зло, Чистая Душа*), стихий (*Огонь, Земля, Воздух, Вода, Время, Природа*).

Заглавные буквы используются в характеристиках, принятых в узких религиозных (теософских) сообществах (тем самым задается такое же, как в этих кругах, почтительное, трепетное отношение к характеризваемым явлениям и людям) (*Великая Посвященная Елена Блаватская, Великий аватар Сатья Саи Баба, Священная гора Кайлас, Посвященные, Мертвые, Высшие Люди, Лучшие из Лучших*).

Кроме того, заглавные буквы используются во многих терминах, созданных самим автором (*Город Богов, Генофонд Человечества, Матрица Жизни на Земле, Всеобщее Информационное Пространство, Чужой Бог, Поле Любви, Чип Жизни*). Тем самым автор утверждает свою концепцию,

желательное для него почтительно-трепетное отношение к ней прямым внушением.

К наиболее частотным относятся случаи использования заглавных букв в словах: *Земля* – 996 раз (с маленькой буквы – 298 раз), *Великий* – 169 раз (с маленькой – 204), *Посвященный* – 83 раза (с маленькой – 23), *Священный* – 24 раза (с маленькой – 469), *Душа* – 90 раз (с маленькой – 831), в том числе *Чистая Душа* – 68 раз (с маленькой буквы – нет вообще; из них только в последних двух книгах – 44 раза), а также *Вода* – 206 раз (с маленькой буквы – 457), *Время* – 104 раза (с маленькой – 1128), что тоже соответствует принятой концепции автора.

Впечатление заклинания, текста, построенного в соответствии с нормами религиозного, а не научного (даже не научно-популярного) дискурса производят некоторые описания, в которых предположительное или вообразимое изображается как реальность за счет использования многочисленных **образных** средств языка (чаще, впрочем, – лишь претензия на образность):

*Я представил, что на том же месте, где сейчас стою я, когда-то стоял древний человек, возвышаясь более чем на 10 метров от земли, и тоже смотрел на каменный лазер. Мне почему-то казалось, что взгляд его был обращен именно на конусовидное возвышение на переднем зеркале каменного лазера, чтобы через него ввести свою психическую энергию в резонатор лазера. Обратив свой взор туда, древний человек стал концентрировать свое внимание на своих же **чувствах, добываясь того, чтобы они стали легкими, светлыми и летучими, а самое главное – преисполненными Любовью к Богу**. Постепенно древний человек стал ощущать, что весь мир **переполнен чувствами**, и что его личные чувства входят в этот мир чувств. С помощью своих чувств древний человек начал анализировать мир чувств и, наконец, заметил в нем то, чего ждал, – в нем жили и **процветали** чувства Воды, чувства Земли, чувства Огня и чувства Ветра. Эти чувства совсем не походили на его человеческие чувства, но они явно существовали – эти странные чувства четырех, кроме него, элементов. Древний человек попытался понять чувства Воды, потом – Земли, потом – Огня, потом – Ветра, но они были слишком непохожими на человеческие чувства, хотя они были такими же сильными и **животрепещущими** и... чем-то очень родными. Древний человек тут же приступил к концентрации своего внимания на том чувстве, что чужие для него чувства Воды, Земли, Огня и Ветра являются одновременно и **родными**, понимая, что все эти чувства **роднит Любовь к Богу**, создавшему мир, в основе которого лежат эти пять элементов.*

Ему, древнему человеку, было совсем не трудно сконцентрироваться на Любви к Богу, потому что она не просто пропитала все его существо, она являлась основой общества, в котором он жил, где Любовь к Богу воспринимается и как духовный и как энергетический закон мироздания одновременно. Он, древний человек, совсем не мог

представить того, что когда-то в далеком будущем люди будут добывать энергию из нефти и газа, в то время как главная энергия находится в душе человека и ее надо всего лишь **мобилизовать** через Любовь к Богу; для него было так просто по-настоящему любить Бога.

Сконцентрировавшись на своей любви к Богу, древний человек стал ждать того, что может ждать только очень сильно любящий Бога человек, – он стал ждать ответных чувств других четырех элементов, которые могут **так же сильно любить Бога, как и он**. Он ждал, ждал, усиливая свою концентрацию на любви к Богу, и, наконец, почувствовал, что странное любовное чувство Воды вдруг соединилось с его любовным чувством; он осознал, что **сила Воды поддержала его, вернее... его любовь к Богу**. Древний человек еле выдержал ту силу, когда к его и без того сильным чувствам присоединились не менее сильные чувства Воды, но он упорно стоял на месте, желая достигнуть уровня силы пяти элементов. Но другие элементы **как бы проверяли его**, наблюдая, как он перенесет соединение с Водой. А древний человек стоял и все более и более концентрировался на Любви к Богу, ожидая, что на его чувственный порыв ответят еще и Земля, Огонь и Ветер.

Энергия чувств Земли, соединяясь с его совместными с Водой чувствами, вызвала даже облегчение, как бы напоминая о единстве человека с Землей, и его тело начало слегка дрожать от избытка чувственной энергии. Воссоединение с энергией чувств Огня было **похоже на вспышку света, такую яркую, что древний человек на мгновение выпустил из виду каменный лазер**. Последними присоединились чувства Ветра, отчего возникло **страстное желание лететь, да лететь так, чтобы параллельные миры, созданные тем, кого мы любим, проносились мимо как красивые пейзажи**.

Но древний человек, ощущая **содрогающее** его единство со всем мирозданием, поймал глазами конусовидное выпячивание каменного лазера и произнес то заклинание, которое нельзя произносить без единения с чувствами Воды, Земли, Огня и Ветра.

–..... – сосредоточенно произнес он, слегка открыв рот и не сводя взгляда с конусовидного выпячивания.

Мощный, сверкающий цветами радуги поток энергии изошел из его глаз и мгновенно достиг конусовидного выпячивания на переднем зеркале каменного лазера, после чего перекинулся в резонатор лазера. Вскоре древний человек увидел, что энергия, идущая из него, полностью насытила резонатор и как сверкающий луч повисла в промежутке между зеркалами лазера.

После этого он, древний человек, успокоился – он знал, что смог обеспечить энергетическое снабжение каменного лазера, после чего его друзья – тоже строители Города Богов – повернут переднее зеркало лазера так, чтобы луч «его энергии» попал точно на отражающее зеркало, расположенное на вершине Кайласа, которым будут управлять конструкторы монументов, обтачивая «его энергией» горы. Он, древний человек, был горд тем, что смог сделать это – создать энергию пяти элементов.

А энергия пяти элементов все **текла и текла** через него, не вызывая уже внутреннего напряжения; только **разноцветные видения** сопровождали эту энергию, **видения**, приходящие из разных параллельных миров. Древний человек понимал, что так и должно быть, поскольку энергия пяти элементов есть единая энергия параллельных миров,

в которых Бог выделил пять элементов единения – Огонь, Воду, Землю, Ветер и Человека. Он, древний человек, всей своей душой ощущал, что он есть сын Бога, так как через него текла **истинно божественная** энергия, та энергия, которая существовала еще до создания миров и которая имела **первозданную чистоту**.

Я опустил голову и увидел на своих ногах грязные остроконечные татарские калоши.

– Эх! Как важно стремиться к душевной чистоте! – про себя воскликнул я.

В этом примере представлены разнообразные средства художественной образности:

– прежде всего это эпитеты (впрочем, среди них совсем нет оригинальных, хотя они и употреблены в несколько необычной сочетаемости): чувства... стали **легкими, светлыми и летучими; разноцветные видения; истинно божественная энергия; мощный, сверкающий** цветами радуги поток энергии; **страстное** желание лететь; чувства... были **сильными и животрепещущими** и... чем-то очень **родными; преисполненные** Любовью к Богу;

– сравнения: он стал ждать ответных чувств других четырех элементов, которые могут **так же сильно любить Бога, как и он; Воссоединение с энергией чувств Огня было похоже на вспышку света**, такую яркую, что древний человек на мгновение выпустил из виду каменный лазер;

– метафоры (стертые и в целом немногочисленные; поскольку стихии Воды, Земли и т.д. автор считает одушевленными, их «любовь к Богу» есть не метафора, а вполне прямое выражение): энергия пяти элементов **все текла**; главная энергия находится в душе человека и ее надо всего лишь **мобилизовать** через Любовь к Богу; в нем жили и **процветали** чувства Воды, чувства Земли, чувства Огня и чувства Ветра;

– слова, относящиеся к высокому стилю: чувства... стали **преисполненными** Любовью к Богу; **первозданная чистота**;

– повторы: **разноцветные видения** сопровождали эту энергию, **видения, приходящие из разных параллельных миров**; энергия пяти элементов **все текла и текла**;

– эллипсис: он осознал, что сила Воды поддержала его, **вернее... его любовь к Богу**;

– градация (собственная любовь к Богу → к ней добавляется любовь Воды → Земли → Огня → Ветра);

– а также самоирония: Я опустил голову и увидел на своих ногах грязные остроконечные татарские калоши.

В целом же в текстах Мулдашева подобные элементы художественного стиля скорее редкость. Радостно-возвышенный настрой создается тематикой и принятой «Божественной» концепцией и в гораздо меньшей степени – собственно языковыми средствами.

Подчас описания Мулдашева не столько оригинальны и «художественны», сколько **ненормативны**. В текстах Мулдашева находим немало синтаксических конструкций, мягко говоря, далеких от норм литературного языка:

– конструкция сложноподчиненного предложения: *Я подумал о том, что сколько «пота надо было пролить», чтобы нам, простым уфимским мужикам, добраться до Города Богов; Я понимал, что трехмерная энергия есть тетраэдрически искривленное пространство, но в котором, в отличие от вещества, Время течет, а не заперто; Система расположения пирамид и монументов древности удивительно четкая, что сомнений почти не остается – она была кем-то создана в древности;*

– предикативное использование наречий: *Мне стало гордо за паломников, которые возвышенно и с радостью умирают;*

– употребление деепричастного оборота: *И мне почему-то от этой, далеко не самоутверждающей, мысли стало легко и просто, напоминая давно уже забытую простую детскую любознательность;*

– падеж в управительной конструкции: *А как важно хоть иногда видеть восторг жизнью! Почему он исчезает?;*

– примеры нарушения культуры речи: *...а этот «качок» все ходит и ходит рядом, порой даже в мороз по-дурацки одевая короткую маечку без рукавов...; А потом они залазили в палатку, чтобы под утро взять такие нотки, которые не посрамили бы здесь, на Тибете, великую Россию; ср. также противоречащий нормам культуры речи выбор лексемы (по)кушать вместо есть – 26 раз (!): Утром я опять ничего не кушал; Мы тоже начали кушать.*

Как ученый, привыкший писать, прежде всего, научные тексты (причем естественнонаучные, а не гуманитарные), Мулдашев осуществляет **экспансию** научного стиля за пределы собственно научных тем и сфер: на описания природы, монументов древности, эмоций, межличностных отношений, домашних животных. Иногда такая экспансия (а также противостественное сочетание средств научного стиля с разговорными словами

и выражениями) кажется чрезмерной и напоминает канцелярит: *А потом я взял Дурака [кота – В.Д.] на руки и, как всегда, растянул. Скажу я Вам, дорогой читатель, что процедура растягивания кота состоит в следующем. Берешь, короче говоря, кота в руки, кладя обе руки под его брюшко. А потом начинаешь обе руки постепенно разводить, в связи с чем кот начинает растягиваться. Ты разводишь, разводишь руки, а кот все тянется и тянется в горизонтальном положении. И, наконец, ты, растянув тело кота, доходишь до его передних и задних лап, которые, вроде как, мешают процессу растягивания кота. Но не надо отчаиваться, необходимо продолжать разводить руки, деликатно удерживая тело кота. Вскоре, разводя руки, Вы, почувствуете, что у кота вытягиваются вперед передние лапы, а назад – задние, в результате чего кот приобретает совершенно распрямленное состояние и... показывает... всю свою длину, видимо, ощущая, что он, кот, есть вообще-то, довольно крупный зверь. Усы у него, кота-то, в этот момент топорчатся, а лицо (то есть, морда) выражает чувство полного блаженства... как у сытого олигарха. Даже нос становится холоднее.*

Как уже говорилось, «стиль Мулдашева» в основном представляет собой синтез научного (по основной специальности) и разговорного стилей. Поэтому, с одной стороны, закономерно, что при изображении «простых разговоров» автор использует только лексические маркеры разговорной речи (включая жаргонизмы и даже обсценцизмы: *жратва, до хрена, наклюкался, по полстакана ахнем, канает под...*) и – реже – фонетические (*Чо тут; Конешно*) и почти не использует грамматические и синтаксические средства, присущие разговорной речи, такие как разговорный порядок слов (за редким исключением: – *Тибет настолько жир твой отсосал, – невозмутимо продолжал Юсупов, – что и руки твои тоже костлявыми стали, как мои. У тебя, как у завхоза экспедиции, денег не допросишься. Все в напузнике лежат*). С другой стороны, признаки разговорной речи проникают и во внутренние монологи автора, хотя он сам вряд ли отдает себе в этом отчет: разговорные частицы (такие как *-то*), качественные конструкции (*счастье, оно относительно*), неполные предложения, разговорный порядок слов (*Американки, как известно, красотой особой не отличаются*).

В целом владение только этими двумя стилями (о полноценном владении средствами художественного стиля, как видно из рассмотренных

примеров, говорить не приходится), а также достаточно частотные в текстах Мулдашева грамматические и речевые ошибки заставляют считать его представителем неполнофункциональной / среднелитературной речевой культуры (не элитарной)⁵.

4. В качестве заключения

Задача-максимум книг Эрнста Мулдашева о «Городе Богов», по всей видимости, состояла в том, чтобы приобщить современного читателя к огромной сложности мира и в этом смысле – к знаниям *Высшего Разума (Шамбалы)*, накопленным высокоразвитыми людьми предшествующих цивилизаций, по сравнению с которыми современный уровень науки является, по выражению автора, «*каплей в океане*», утвердить принципы добродетельной жизни, воздействовать на мировоззрение читателя (а с этой целью – не только увлечь, но и встревожить, и испугать), сделать читателя более широко и оригинально мыслящим, самокритичным, нравственным. Для этой цели автор использует своеобразный язык / стиль: как средства научной убедительности, так и приемы внушения. В результате он далеко отходит от научного стиля, все больше приближаясь, с одной стороны, к возвышенно-восторженной тональности религиозных учений, с другой – к языку обыденного общения современного «обыкновенного человека».

Как было показано в настоящей статье, в большинстве случаев поставленные задачи успешно решаются автором, но не всегда. (Как известно, успех манипуляции состоит в скрытом воздействии на адресата речи, утаивании от него желаемого эффекта, но когда манипуляция очевидна адресату, то эффективное воздействие невозможно.) Во-первых, создавая эффект достоверности, автор иногда «забывает» принцип научной осторожности; во-вторых, себя рисует не столько «обыкновенным» человеком, сколько идеальным, вообще лишенным недостатков, ставит себя в один ряд с «*Лучшими Людьми*», обладающими «*Чистой Душой*»; в-третьих, пытаясь создать необходимый настрой на высокое, обнаруживает свою недостаточную языковую компетентность: не всегда хорошее владение не

⁵ Речь идет об отнесении Мулдашева как автора рассматриваемых текстов к одному из типов русской речевой культуры, нами не учитывается тот факт, что его родной язык – татарский. Мы также не принимаем во внимание мнение, иногда высказываемое в Интернете, что эти тексты писал не сам Мулдашев – см.: <http://nostradamu.narod.ru/kritika/Muldashev.html>

только средствами художественного стиля (стертые метафоры и неоригинальные эпитеты), но и литературным языком вообще (канцелярит, речевые ошибки).

По нашему мнению, все это (а не только содержащиеся в книгах неприличные для массового читателя, сенсационные, революционные идеи) и стало причиной столь неоднозначного впечатления, которое оставили у читателей книги Мулдашева, иногда диаметрально противоположных реакций, высказываемых на них.

В этой связи приведу мнения двоих моих коллег-лингвистов (кстати, специалистов по речевому воздействию), с которыми я обсуждал книги Мулдашева.

Один заинтересовался типом языковой личности Мулдашева как «*современного пророка*», одновременно честного и фанатичного (*не зашоренный повседневным мусором искатель, пытливый человек, в чем-то визионер – и маниакально убежденный в своей правоте миссионер, именно миссионер, который несет великую истину в народы*).

Другой сказал, что любит книги Мулдашева, читает их с интересом и удовольствием, но любил бы еще больше, если бы не *внушение*, которое (справедливо) воспринимается им как манипуляция сознанием читателя, т.е. нечестный прием.

Реакция эта показательна: значит, вместо того чтобы привлечь, расположить к себе читателя, текст, построенный таким образом, оказывает противоположное воздействие: отвращает от себя читателя. Отдавал ли себе в этом отчет Э. Мулдашев? Вероятно, да, отдавал. Но, с другой стороны, без такого выстраивания отношений «автор – читатель» он не чувствовал бы себя «*властителем дум*» – и, возможно, тогда его книги вообще не были бы написаны...

Литература

Гаврилова М. В., 2011, *Когнитивная модель идеологии КППРФ. – Политическая лингвистика*, вып. 3(37), Екатеринбург.

Карасик В. И., 2007, *Коммуникативная тональность. – Жанры речи*, вып. 5: *Жанр и культура*, Саратов.

Лихачев Д. С., 1979, *Поэтика древнерусской литературы*, Москва.

- Dirven R., Polzenhagen F., Wolf H.-G., 2005, *Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis*. – *Handbook of Cognitive Linguistics*, eds. D. Geeraerts and H. Myckens, Oxford.
- Hawkins B., 2001, *Ideology, Metaphor and Iconographic Reference*. – *Language and Ideology*, vol. II, eds. R. Dirven, R. Frank, C. Ilie, Amsterdam.

Ideology and suggestion in esoteric literature
(a case study of the series of books City of the Gods
by Ernst Mouldashev)

The article is devoted to the means of verbal influence, persuasion and suggestion in the series of books by Ernst Mouldashev entitled *City of the Gods*. The objectives of these means are to generate interest and credibility of reported information and developing a “divine” concept, to reduce the image of the author and to give the impression of authenticity. Cases are analyzed where the author successively copes with these tasks, as well as those where the lack of his language competence prevents him from fulfilling these goals.

Keywords: *ideology, verbal influence, suggestion, esoteric literature, Mouldashev.*